

Лето, пляжки,

рок-н-ролл!

Марта Кауц

Лето, плавки, рок-н-ролл

«Издательские решения»

Кауц М.

Лето, плавки, рок-н-ролл / М. Кауц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969344-0

150 участников, 5 судей, 5 тем и всего три дня для написания истории. Сотни захватывающих сюжетов, нетривиальных идей и неожиданных финалов. «Лето, плавки, рок-н-ролл» — это искромётный юмор, трагедия и фарс, философские повествования, детективы, фантастика и поэзия от современных авторов. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-969344-0

© Кауц М.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Часть 1. Летний экстрим	8
Снова увидеть звезды	8
Экстремальный отдых	11
Аркашкина клубничка	13
Подземка	15
Окно напротив	17
Мечта о море	20
Вояж «Дамы с собачкой»	22
Он никогда не был на войне	24
Два августа	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лето, плавки, рок-н-ролл

Редактор Марта Кауц

ISBN 978-5-4496-9344-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Вы держите в руках не просто книгу. Это 338 страниц лета – такого, каким его видят современные авторы.

С 13 по 28 мая в социальной сети ВКонтакте проходил литературный марафон «Лето, плавки, рок-н-ролл». Результатом этого марафона стали потрясающие, по-летнему жаркие истории. Лучшие рассказы мы с любовью собрали в этот сборник.

Спасибо всем участникам за волшебное время, проведенное в вашей компании.

Также мои самые теплые слова благодарности судьям: Ирине Червоненко, Евгении Королёвой, Владимиру Веду и Ольге Гуляевой. Благодаря вам этот марафон получился таким жарким.

*С любовью и искренним восхищением,
организатор марафона Злая Марта.*

150 участников, 5 судей, 5 тем и всего три дня для написания истории. Сотни захватывающих сюжетов, нетривиальных идей и неожиданных финалов. Лучшие рассказы конкурса «Лето, плавки, рок-н-ролл» о любви и сексе, жизни и смерти, фантастических путешествиях и многом другом в одной книге.

Татьяна Козлова

Необыкновенные приключения, забавные курьёзы, откровенные признания – здесь вы найдёте всё и даже немного больше. Этот сборник перевернёт ваши представления о летнем отдыхе. Вы готовы к настоящему экстриму? Тогда вперёд!

Виктор Подъельных

Лето наступило,
Отпуск далеко.
Почитайте книгу,
Будет вам легко.

Ирина Соколова

Если Вы думаете, что эта книга – кладёзь леденящих душу и дающих надежду рассказов, то... вы правильно думаете. Веселые и не очень, про любовь и про смерть – что объединяет все эти истории? Лето. Такое разное: одинокое, опасное, веселое и долгожданное. Живи. Люби. Читай.

Аня Вяткина

Эти страницы не только пахнут июнем, греют южным солнцем и шелестят морскими волнами. На них написано настоящее лето.

Женя Нефедова

Кидай над головою плавки,
Врубай погромче рок-н-ролл.
К тебе наш сборник ахуенный
Пришел.

Надя Бурлуцкая

В нашем виртуальном гетто наступило яркое, жаркое, сексуальное, убойное и беспощадное ЛЕТО.

«Лето, плавки, рок-н-ролл» – это искромётный юмор, трагедия и фарс, философские повествования, детективы, фантастика и поэзия от современных авторов.

Узнай, какое лето подойдёт именно тебе.

Татьяна Козлова

Так какое оно, ТВОЁ лето?

Часть 1. Летний экстрим

Снова увидеть звезды

– Мааам, ты трусы мои не видела? В горошек, от купальника которые.

– Елизавета! Что за манеры? У нас же люди! Позорище, – недовольно крикнула из другой комнаты Татьяна Петровна.

– Как – будто эти люди трусов не носят, – буркнула Лиза себе под нос. Она совсем забыла, что им устанавливают кондиционеры.

– Держи! Кстати, это плавки. Куда намылись то?

– Куда ж еще пойдешь в таком горошке, кроме как на муниципальный водоем?

Жара... Опять невыносимая жара. Она так и не привыкла к раскаленному пыльному воздуху Города, его палящему солнцу и запахам местных растений. На её Севере воздух был прозрачный и свежий. Даже в жаркие дни им можно было свободно дышать полной грудью. А в Городе тысячи труб выплевывали тонны вонючих газов прямо в небо. И поэтому здесь не было звезд... Лиза безуспешно пыталась полюбить Город. Но пока у них не было взаимности. Он безжалостно загнал ее в квартиру с намертво зашторенными окнами, вентилятором и бутылкой запотевшего Тархуна.

– Лизка, я придумала нам занятие на лето! – послышалось с соседнего лежака. – Я тут прочитала в Космо...

– Господи... Его еще моя прабабка до революции читала.

– Ой, три раза ха! Замечательный, между прочим, журнал, – не унималась Светка.

– Знаю я твой журнал. Сто способов, как в себя что-нибудь засунуть, и еще сто пятьдесят – как потом это высунуть. А! Еще прокладки в подарок. Ладно, Шахерезада Иванна, жги! Что у тебя там?

– Нам нужно выйти из зоны комфорта! – провозгласила Светка.

– Куда?!

– В нормальную и полноценную жизнь! Нужно отказаться от привычного и попробовать новое. Вот смотришь ты вечно свое «Аббатство Даунтон», к примеру. А будешь смотреть японские комедии или венгерский арт-хаус.

– Зачем? – Лиза с удивлением смотрела на раскрасневшуюся от солнца или эмоций подругу. – Японские? Ты серьезно?

– Ограниченный ты человек, Карелина! Это ж образно. В общем, я записала нас на тренинг. Там тетка бомбическая! Она называет себя Сталкер, – Светка с деловым видом излагала информацию.

– Боже, – застонала Лиза.

– Ну, она ж выводит людей из их Зоны Комфорта. А еще, – хихикая зашептала Светка, – она походу лесбиянка.

– Блин, а это что, обязательное условие? Тарковский точно в гробу переворачивается.

На тренинге было многолюдно. Комфорт, видимо, начисто поглотил россиян и они нуждались в срочном спасении. Представительницы прекрасного пола вооружились тетрадами, как бабки на «Жить здорово», и старательно все записывали.

Сталкер, она же Валентина, оказалась и правда бомбической. Бесконечно сыпала шутками и цитировала в тему классиков. А еще рассказывала истории со счастливым концом, где все после ее тренингов богатые, успешные, замужнеженатые. Чем довела зал до ожидаемого экстаза. У всех горели глаза, хотелось вскакивать с места и куда-то срочно бежать.

– Если бы мне сейчас сказали отдать все деньги, я б запросто, – шепнула возбужденная Лиза. – Мне точно нельзя во всякие секты и сетевой.

На первом задании нужно было рассказать про себя что-нибудь позорное, но зал сдулся и позорились вяло. Почти все время про мелкие правонарушения. Лиза на ватных ногах вышла к микрофону. Выдох.

– У меня есть привычка оставлять колготки в джинсах. Потом хожу по улицам такая модная. Сначала я иду, потом за мной колготки по земле ползут. Ко мне люди подходят часто и шепчут: «Девушка... у Вас там... это...».

Зал грохнул от хохота. Получив свою позорную минуту славы Лиза вернулась на место.

– А чего историю про красные трусы-зеленый лифчик не рассказала? – съязвила Смирнова.

– Ой, молчала бы, расхитительница социалистической собственности. Уперла в детсадовском возрасте кисель из универсама, теперь строит из себя. Похабнее то ничего в биографии не нашлось?

– Так, практическое задание на дом! – громогласно сообщила Сталкер Валентина. – Начнем с изменения во внешнем облике. Чтобы оно для вас было нетипичным и более-менее стабильным. И больше жести! Но чтобы не отстегивалось! А то пришла тут одна недавно... Задача ясна? Свободны!

Светка побежала клянчить у матери деньги на цирюльню. Она клятвенно пообещала обкорнаться до состояния ежа и покрасить сие великолепие в ярко-оранжевый цвет. Лиза же в состоянии эйфории двинула в тату-салон.

Девушка- администратор была забита с ног до головы и своим внешним видом ясно давала понять, что живыми отсюда не уходят.

– Добрый день! Вы по записи?

– Н-н-нет... Я могу потом... – Лизу начало колотить. Обещанный Валентиной адреналин хлынул в кровь.

– Мастер сейчас свободен. Заполните пока анкету, а я его приглашу.

Трясущимися руками Лиза вносила данные. Ф.И.О... дата рождения... адрес... телефон... аллергии нет... на все согласна... обо всем предупредили... подпись... Интересно, сейчас еще можно уйти?

– Здравствуйте! Меня зовут Олег. Пойдемте... Елизавета Сергеевна.

Лиза от неожиданности вздрогнула. Перед ней стоял приятный молодой человек... с действительно чистыми руками. Ни тоннелей, ни болта в брови. Ничего.

– Что Вы хотели сделать? Рисунок с собой? Мне нужно сориентироваться по времени.

– Я... я не знаю, – прошептала Лиза сухими губами. – Понимаете, у меня тренинг.

– И почему именно татуировка? Странный выбор. Это же не ухо проколоть.

– Ну, ведь что-то жуткое надо сделать. Чтоб результат! А я дико боюсь иголок. И родители вот тоже... После этого меня точно лишат наследства, – Лиза впервые улыбнулась. – А у Вас их много?

– Ни одной, – улыбнулся теперь Олег.

– Но как же тогда Вы можете? – удивилась Лиза.

– Гинекологи ведь тоже не все рожают, – засмеялся он в голос. – У меня дар. Я вижу людей и знаю, что им нужно. И умею это набивать.

– Как раз мой случай. – сказала Лиза, укладываясь на кушетку.

Это было потрясающе! Справа на животе у нее теперь красовался знак Козерога. Папа только покачал головой и поблагодарил, что хоть не на лице. А мама подмигнула и попросила телефон мастера. Пронесло.

Вечером Лиза шла по улице домой от Светки-ёжика и поняла, что ей начинает нравиться Город. Она стала замечать его красивые здания, парки, где легко дышится.

– Елизавета! Добрый вечер!

Лиза вздрогнула и увидела перед собой Олега. Сердце предательски громко застучало.

– Добрый! Но как Вы?.. Ах, да! Анкета.

– Ты забыла заживляющее средство. И еще...

В этот момент Олег приподнял край футболки. Справа на его животе был покрасневший знак Козерога. Лиза впервые увидела над Городом чистое звездное небо...

Женя Нефедова

Экстремальный отдых

Тишину комнаты не нарушал ни один звук. Все готовились к вспышке, взрыву, рождению сверхновой. И звезда не заставила себя ждать. Дверь скрипнула.

– А вот и я! – Сашка влетел в комнату и застыл с раскинутыми в стороны руками. Долговязый студент с кудрявыми волосами и оттопыренными ушами всегда любил привлекать к себе внимание. Делал все с визуальными и звуковыми спецэффектами.

– Бабуль, дай пять! Мамуль! Дядя Гена! – он поздоровался со всеми членами семьи. Бабушка и мама опешили от эффектного появления наследника. Они до сих пор не привыкли к взрывному характеру чада. Дядя Гена усмехнулся и потер усы.

– У вас тут целый пирог, – студент наигранно выделил последнее слово. – Зачет! Обожаю! – он сел на угловой диван и положил себе самый большой кусок.

Бабушка приготовила к приезду внука его любимые блюда: пирог с мясным фаршем и картошкой, селедку под шубой, бутерброды со шпротами, салат из свежих овощей. Старый, советский раздвижной стол поставили посередине комнаты и застелили тканевой скатертью, так делали всегда, когда семья собиралась вместе.

– Сашенька, расскажи, куда ты ездил, что видел? – спросила бабушка. – Мы скучали по тебе.

– Ха! А мне никогда не бывает скучно! Все потому, что я вечно ищу приключений, а вы сидите дома и ничего не видите кроме четырёх стен. Зацените фишку: знаете, кто я теперь?

– Кто? – заволновалась бабушка.

– Я теперь экстремал! Можете звать меня отважным бароном Алексаузенем, – Сашка, кривляясь, указал двумя пальцами на себя. – Знаете, что такое экстремальный отдых? – Бабушка напугано покачала головой. – Выходящий за рамки обычного! Чрезвычайно сложный и трудный! Даже смертельно опасный! – студент для пушей убедительности вскочил на диван. – Попробовал я одну штуку, парасейлинг называется. Это полный улет! Тебя привязывают веревками к парашюту и буксируют по открытому морю. Ты взлетаешь в воздух! Головокружительная высота. Смотришь оттуда: катер становится маленьким-маленьким, как точка, не видно его. Трос метров пятьсот, честное слово! И скорость запредельная: 27 метров в секунду, никак не меньше! И не думайте, что я вру! Я не выношу никакого обмана и все время рассказываю одну чистейшую правду.

– Сашенька, страшно-то как! – вздохнула бабушка.

– Ничего не страшно, бабуль! Я даже не чувствовал скорости! Наверно, я совсем бесстрашный, – Сашка засмеялся. – Как будто сидишь на лавочке у подъезда. Только эта лавочка застыла между небом и морем! Чистый кайф!

– Какой ты у нас герой! – похвалила мама. – И раз уж ты не любишь сидеть дома, поможешь бабушке завтра на огороде? Там тоже можно совершать подвиги.

– Грядки? – Саша скривился. – Фи! Экстремалы таким не занимаются.

За столом повисло неловкое молчание, все уткнулись в свои тарелки. Тишину нарушил дядя Гена:

– Да, я тоже молодость вспомнил. Ой, что мы вытворяли! Как ты говоришь? Экстремальный отдых? Тоже им занимались!

– Крутяк! – встрепенулся Сашка. – Дядь Ген, расскажи?

– Так экстремалил, что тебе и не снилось! Отдых на грани, запредельный. Думаю, вы, молодежь, не сможете так! Хилы и немощны стали. Испугаетесь!

Сашка быстро оценил уровень предлагаемой авантюры и решил в нее ввязаться.

– Дядь Ген, ты меня плохо знаешь! Я настоящий экстремал! Ничего не боюсь. Я должен попробовать!

– А ты для начала угадай, что это за вид отдыха. Спорим, даже названия такого не знаешь? – дядя Гена заговорщически подмигнул бабушке.

– Еще один челлендж, – глаза Сашки запылали озорными огоньками. – Я принимаю вызов! Я отгадаю, и ты покажешь мне его, идет?

– А если не угадаешь, поедешь со мной и бабушкой в сад грядки копать, идет?

– Хммм, – Сашка смутился.

– Струсил что ли? – засмеялся дядя Гена.

– Никогда! Я готов! Это рафтинг?

– Нет.

– Катание на мотоцикле?

– Нет.

– Прыжок с парашютом?

– Нет.

– Плаванье с акулами?...

Ничто не нарушало тишину летнего сада. Кроме... Стук! Пауза. Стук! Пауза. Стук!

Пот катился градом со лба Сашки. Размах, удар. Размах, удар. Остался последний чурбак. Сашка напрягся и со всей силы опустил топор. Чурбак раскололся на две части. Рядом лежала кучка наколотых дров.

Дядя Гена сидел на деревянной скамейке и наблюдал за племянником.

– Закончил? Держи! – он кинул Сашке банку холодного пива. Сашка без сил опустился рядом. – Ну что, как тебе мой экстремальный отдых? За гранью, согласен? Молодежь сейчас так не умеет отдыхать. А я всю молодость отпахал! То картошку копать, то дрова колоть, то яблони поливать! Всегда при деле был!

Сашка сделал глоток холодного пива. По телу разливалась приятная усталость. Чуть шелестели листья деревьев, неподалеку пели птицы. Было хорошо и спокойно.

– Чистый кайф! – протянул Сашка. Дядя Гена довольно улыбнулся.

Анастасия Мурашка

Аркашкина клубничка

«Вот так жарища, прям как в этих ваших Африках», – подумал изнывающий от зноя ёж Аркадий. Он не знал, что такое Африка и где она находится, но однажды по весне случайно слышал разговор знакомой синицы Тамарки, жившей по соседству, с вернувшейся из теплых стран с зимовки ласточкой: «Ты понимаешь, Африка – это, ну это... Ааафрика. Жарковато, конечно, но хотя бы живешь в тепле и комфорте, а не морозишь зад по полгода. Жар костей не ломит!»

Да, действительно, денёк выдался тяжёлым: на небе – ни единого облачка, а солнце палило, не жалея ничего живого. И отдыхал бы Аркадий в своём насиженном гнезде в прохладе, но матушка его, Нина Степановна, снова завела любимую пластинку: «Аркашенька, душа моя, да когда ж ты уже съедешь на отдельную жилплощадь? Братья твои и сестра при первой же возможности родной дом покинули, пару нашли, детей нарожали, всё как у приличных ежей. А ты, бездельник, всё еще не женился и не осчастливил меня, старушку, выводком колючих внучат. На, еще замори червячка червячком, я зря что ли собирала?! И слушай меня, слушай, чего нос воротишь?! Сидишь на всём готовеньком! Пора уже давно стать самостояте...»

Дальше Аркадий дослушивать не стал, а тихонько ретировался с места словесной битвы, выиграть которую ему было не суждено. Никакая жара не могла показаться в этот момент страшнее, чем разгневанная старая ежиха, разочарованная в собственном любимом сыночке. Бесплезно пытаться в сотый раз объяснять ей, что его тонко организованная душа не позволяет поддерживать варварские обычаи, заставляющие сражаться с другими ежами за любовь. И к тому же он не так физически развит, чтобы конкурировать с кем-то, у него плоскостопие, близорукость и вообще... Однажды он встретит ту самую, которая поймет его и примет без всякого предварительного насилия. И что такого, что в своём уже довольно почтенном для ежа возрасте живет с матерью, зато ей не скучно и есть, о ком позаботиться.

Вспомнив о материнской заботе, Аркадий вздохнул, подумав о том, что всё же надо было сначала нормально поесть прежде, чем уходить из дома, живот урчал и требовал подкормки. Привычной еды не хотелось. Дабы вернуться в хотя бы относительно нормальное настроение нужно нечто особенное. Пытаясь держаться в тени, ёж бежал к краю леса, где совсем вплотную к нему расположились человеческие дачи. Там всегда находилось что-то диковинное, чем можно поживиться. А главное, там росла любимая Аркашина клубника, огромная и сочная. К ней-то и бежал, надеясь, что люди не успели собрать урожай.

Он почти бесшумно подошел к ограде, осмотрелся, насколько позволяло зрение. Не заметив ничего настораживающего, ёж пробрался знакомым маршрутом к грядке с клубникой, аромат которой разносился по всей округе. Но, увы, спелых ягод на кустах Аркадий не обнаружил. Откуда же шёл этот притягательный сладкий запах? Доверившись исключительно обонянию, Аркадий пошел искать желанную клубнику. Нос привел к компостной яме. Судя по всему, хозяйка дачи успела перебрать урожай, а все забракованные ягоды вышвырнула сюда.

Ёж так обрадовался находке, что набросился на ягоды, поедая их без разбору. Его совершенно не смутил странноватый привкус и то, как очень быстро окружающий мир начал плыть перед глазами. Кто ж знал, что от жары ягоды начнут бродить... Жизнь к такому Аркадия не готовила.

Наевшись вдоволь пьяной клубники, Аркадий осмотрелся по сторонам, насколько это было возможно, и обнаружил нечто, заставившее сердце биться чаще... В голове промелькнуло: «Вот она! Е-динст-вен-на-я!». Шатаясь и запинаясь, он пополз туда, где видел силуэт самой прекрасной ежихи в мире. Она стояла на каком-то пьедестале, всем своим видом маня к себе. Подойдя к ней, Аркадий приосанился, сделал самый уверенный вид морды, какой мог. Перед глазами все плыло. «Барышня, не желаете ли, так сказать, познакомиться для серьез-

ных отношений с перспективным мной? – прошептал он томно. И не дожидаясь ответа, пошёл в атаку, – Можно я вас..?»

Ответа не последовало, лишь где-то вдалеке щебетали птицы. «Молчание – знак согласия!» – сказал ёж, многозначительно подмигивая, забрался на пьедестал и решительно набросился на даму, которая почему-то начала куда-то падать. Вместе с тем Аркадий почувствовал всем своим мягким брюшком боль от кучи впивающихся игл... «Какая ежиха!» – восхищенно пропищал Аркадий и потерял сознание, жаркое солнце его окончательно разморило.

Очнулся он от громкого возмущенного крика хозяйки дачи: «Какая сволочь мой кактус ободрала?! Я его на свежий воздух подышать вынесла, а ты... А ну шёл вон!»

Аркадий до смерти испугался и бросился наутек, придя в себя только в тени куста смородины около ограды дачи. Голова раскалывалась, а все брюшко болело и чесалось, из кончика носа торчала иголка кактуса. Хромая и постанывая, он поплёлся домой, где получил новый нагоняй от Нины Степановны, пообещавшей женить его как можно скорее, хоть прямо завтра утром.

Ирина Коробейникова

Подземка

Ей повезло, она работала под землёй, а не на поверхности. Оставшиеся на улице рисковали быть расплавленными аномальным для июня жарким солнцем. В метро же царила приятная прохлада и ничто не мешало сосредоточиться. А без полной концентрации нечего было и браться за это дело.

Она решительно кивнула, упёрлась сжатыми в кулаках железными грузиками в дверной проём и с усилием вкатила себя в вагон. Исподлобья окинув быстрым взглядом пассажиров, затащила своё «помогите, люди добрыя...» и потихоньку двинулась между двумя рядами сидений. Трёхколесная тележка, к которой крепилось её безногое тело, противно скрипела, перекрывая даже шум движущегося поезда. Но некоторые пассажиры были в наушниках, а некоторые, казалось, намеренно оглохли на время пути.

Незаметно для окружающих она сканировала оценивающим взглядом одного за другим.

Вот женщина с добрым лицом, в руках пакет с рассадой. Дачница. Мысленно уже в своём огороде, должна быть в приподнятом настроении. Черты лица расслаблены, слегка заметна улыбка. Притормозив около торчащих в разные стороны зелёных кустов, нищенка чуть громче затащила: «Помогите, кто чем может, дай вам бог здороооовья...». Женщина бросила на неё раздражённый взгляд и молча отвернулась. Хм, просчёт вышел. Ладно, поехали дальше.

Так, а вот этот парень в спортивных штанах? Да нет, таким только телефоны отбирать в подворотне. Внезапно в жестянку на шее опустилась мятая сторулёвка. Нищенка удивлённо обернулась.

– Извини, мать, сколько есть, – пожал плечами парень.

Бабулька у выхода покивала и поулыбалась, но даже не подумала поискать денег в своей кошёлочке. А мужчина, который, казалось, всё это время спал, вдруг высыпал в жестянку целую горсть мелочи.

Скрывая недоумение, она вновь мерно застучала грузиками об пол, бубня свою незамысловатую речь.

– Аня?.. – Послышался над головой знакомый голос. Нищенка резко обернулась – мужчина в очках и в недешёвом деловом костюме смотрел на неё во все глаза, держась рукой за сердце.

– Твою ж мать, Саша! Ты что здесь делаешь? Что с твоей машиной? Саша! Тебе плохо? Господи, есть валидол у кого-нибудь? – Всё это нищенка кричала, на глазах у пассажиров выкарабкиваясь из своей «колесницы» и на абсолютно здоровых ногах подбегая к мужчине, который плавно оседал на пол по стенке вагона.

– Господи-исусе, чудеса-то какие!... – Протянула бабка, мелко крестясь.

– Ага, бабуль, чудеса. Чудеса человеческой наглости, – согласился парень в спортивках, вздохнул и отвернулся к окну.

* * *

Анна Викторовна впервые за годы брака слышала, чтоб её интеллигентнейший супруг так долго и со вкусом матерился.

– Саша, ну хватит. Ты же знаешь, как мне нужна эта диссертация. Мы сейчас проведём это исследование, и я, наконец, смогу её дописать!

– Мы? Ты сказала – мы?

– Ну да, там еще Степан Васильевич у Московского вокзала и Ирина Алексеевна у входа в часовню... Как они там, бедные, на такой жаре...

– То есть, пока студенты на каникулах, кафедра социологии нашла себе летнюю подработку?! – Истерически захихикал муж.

– Саша, перестань! Это очень важные изыскания! Я вот сегодня поняла, что, хоть я и социолог, а все мои дипломы без опыта общения с разными слоями населения в реальной жизни практически бесполезны – я совсем не разбираюсь в людях!

– Я тоже! Надо было мне на каскадёше жениться – это, как выяснилось, гораздо менее экстремальная профессия! Глядишь, седины в волосах в два раза меньше сейчас было бы! – Александр Михайлович ослабил галстук, щедро плеснул себе коньяка в бокал и рассмеялся. – Чёрт, у всех жёны как жёны, а у меня убогонькая и доктор наук одновременно – где ещё такую найдёшь!

– Кандидат пока ещё... – проворчала Анна Викторовна и заулыбалась, радуясь тому, что об остальных исследованиях муж пока не узнал.

Надя Бурлицкая

Окно напротив

Я думал, что уже выучил всех курьеров. Этот был новеньким – слишком вихрастый, слишком глупое выражение лица, слишком наглый.

Я поставил подпись на мятом листке и уже потянул на себя ручку пакета с продуктами, когда он мило ухмыльнулся и шагнул мне навстречу.

– Дурная примета – через порог передавать.

И поставил свой грязный кроссовок на территорию моего дома.

Я выдернул у него пакет и оглушительно захлопнул дверь. Жаль, не успел прищемить ему ногу. В отзыве попрошу никогда больше не присылать мне этого мудака. Стандартный набор продуктов на неделю, парочка консервов чтобы подновить запасы.

Мне двадцать семь, и уже пять с половиной лет я ни разу не выходил из дома. Предвосхищаю вопросы – я не покрыт шерстью или страшными шрамами от ожогов, у меня на месте обе ноги и руки, я не вешу два центнера. Просто не люблю людей.

Чаще всего жизнь меня устраивает. Квартира в наследство от родителей, скоростной интернет с подпиской на интересные сайты (если вы понимаете, о чем я), удаленная работа, милое хобби...

К которому я и вернулся после короткого перекуса.

Моя пятиэтажка стоит посередине тихого спального района, утопающего в зелени. Я живу на четвертом – отличная высота, почти не слышно воплей играющих на детской площадке мелких засранцев. И мой бинокль, в который я смотрю под прикрытием горшка с цветком, разглядит разве что какой-нибудь спецназовец, недавно прибывший из горячей точки.

В запасе у меня лежит карабин с оптическим прицелом. Удивительно, как много забавных игрушек можно достать, если у тебя есть деньги и правильные знакомые.

Днем я сплю или работаю (если бы у меня были друзья, я бы представлялся им программистом), а с наступлением сумерек начинаю смотреть свою человеческую комедию.

Самое вкусное время – до полуночи. Или пока кто-нибудь не вспомнит, что занавески надо закрывать. Вон в том окне почти каждый вечер скандалит семейная пара, лысый тощий мужичок и необъятная бабища, похожая на растолстевшую Мону Лизу. А тут мамаша раздаёт подзатыльники своим дочерям за невымытую посуду. Вон там – молодая парочка регулярно трахается на кухонном столе. Хэй, парень, а ты в курсе, что пока ты на работе, твоя девушка испытывает стол на прочность с кое-кем другим?

Я смотрел свое реалити-шоу пять лет.

А потом появилась она. Ха! Выражаюсь как спермотоксикозный школьник, который боится даже назвать свой идеал по имени. Я назвал ее Куколкой. Блондинка в очках, с вьющимися волосами и шикарной фигурой. Низкая, даже мне она бы едва доставала до плеча. Своему борову-сожителю она и вовсе дышала в пупок.

Куколка была бы моим идеалом, если бы я не стал добровольным затворником. Жесты, улыбка, манера наклонять голову набок, когда она что-то слушала... Через пару недель я плюнул на остальные окна и следил только за ней. Я не питал иллюзий, но кто запретит мне смотреть?

А через месяц сожитель впервые ее ударил. Он был боксером – крепкий жлоб с грамотами за выигранные соревнования, повешенными на стену. Ударил под дых, профессионально и зло, еще рассчитывая силу. Куколка упала на колени, жлоб вышел из кухни, хлопнув дверью.

Не знаю, из-за чего они скандалили, не умею читать по губам. Но с тех пор сожитель Куколки вошел во вкус. Сначала раз в месяц, затем раз в пару недель, затем раз в неделю. Он никогда не бил по лицу, пускал в ход только кулаки, но ей больше и не требовалось. Она смотрела на него, как собака, преданно и страдающе. И ничего не делала.

В один день я решился. Побрился, помылся, подстриг ногти... и вышел на улицу.

Это была длинная прогулка. Я хотел вернуться в свою безопасную бетонную коробку, но когда вспоминал лицо Куколки, шел дальше. Я обманул домофон, вошел внутрь, нажал на звонок. Я был героем, ослепшим от дневного света впервые за пять лет.

Дверь открылась. На пороге стоял жлоб, который оказался шире меня в плечах в два раза.
– Чего надо?

Что я ему мог сказать? «Я видел, как ты бьешь свою женщину, потому что я регулярно подсматриваю за своими соседями»? «Прекрати, а не то...»

– Ты чего, парень? Заболел?

По моему виску сбежала струйка пота.

– Адресом ошибся.

– Катись отсюда.

И я покатился. Пытался убедить себя: может она ему изменила, или ведет себя как сука, и вообще нечего лезть в чужую жизнь.

Чтобы успокоить совесть я написал заявление в полицию. Вечером после визита участкового Куколке досталось особенно сильно. Я видел в прицел, как она поднялась с пола и ушла из кадра. Скорее всего, в душ.

Она вышла из подъезда через час в куртке с длинными рукавами и джинсах, села на качели во дворе.

У меня тряслись руки, когда я застегивал свою лучшую рубашку. Боялся не успеть, потел, как свинья (ого, да ты прямо зачастил на улицу, сукин сын!)

– Привет. Можно я тут рядом посижу?

Она отвернула от меня лицо так, что я видел только ее профиль и завязанные в хвост волосы. И длинные синяки на белой коже шеи.

– Слушай, как тебя зовут?

Куколка наконец ко мне повернулась. В летних сумерках ее глаза казались черными провалами.

– Лиза.

– Лиза, я все знаю. Я знаю, что он тебя бьет, только что тебя бил. Почему ты это все терпишь? Ты же молодая, красивая девушка, почему ты не уйдешь от него?

Я стоял и дрожал перед ней. Я не умел говорить с людьми. И сейчас нес какую-то уродливую чушь.

– Ты можешь пожить у меня, я тебя пальцем не трону!

– Эй, шкет, а ну отойди отсюда.

За моей спиной стоял жлоб. Ну конечно, он не мог отпустить свою любимую игрушку без присмотра.

– Чё стоишь? Ускорение придать? – он развернулся к Куколке. – Пойдем, надо поговорить.

Я себя ненавидел, когда брал свою любимую оптику и смотрел в окно напротив.

Они и правда говорили, вполне спокойно. На столе стояла пара бутылок пива, нехитрая закуска. Я видел только напряженную спину Куколки и кулаки жлоба. В какой-то момент он встал и положил ей руки на плечи. Меня затошнило, я отвел взгляд, но через минуту пересилил себя и снова заглянул в прицел.

Падая, Куколка ударилась головой о край кухонного стола. На светло-сером мраморе столешницы остался красный смазанный след.

Когда-то, покупая карабин, я не хотел брать к нему патроны. Чтобы не было искушений. Мало ли, вдруг мне однажды снесет крышу, и вдохновившись Брейвиком, я стану отстреливать детишек.

Как же хорошо, что я передумал.

Я не дышу, я смотрю в прицел и совмещаю мушку с головой мужчины, склонившегося над телом.

Я нажимаю на спусковой крючок.

Марианна Ли

Мечта о море

Серо-белый, покрытый песчаной пылью, гравий шуршал под колесами. Прохладный попутный ветер приятно дул в спину, заодно увеличивая скорость велосипеда. Тело начало уставать от долгой езды, но останавливаться ещё не хотелось. В голове было безмятежно и тихо, мысли не отвлекали и не беспокоили, их вообще не было, этих мыслей. Был шорох травы и листьев деревьев, растущих вдоль дороги, весёлый стрекот кузнечиков и отдаленные звуки птичьего щебетания...

Он с детства любил море. И кататься на велосипеде.

Незадолго до собственного тридцатипятилетия он решил исполнить свою детскую мечту и доехать из дома до моря.

От Москвы до Черного моря. На велосипеде.

Решение пришло сразу и окончательно, как будто давно сформировавшаяся где-то в подкорке и плотно там засевшая идея нашла выход и приняла очень четкие очертания. Он вообще любил всё четкое, ясное и понятное. Поэтому и маршрут родился быстро, как и сроки поездки, схема путешествия, список всего необходимого.

В общей сложности подготовка заняла месяц.

На работе он взял административный отпуск, который дали не без труда, конечно, но в итоге всё сложилось именно так, как нужно.

С женой было сложнее. Она всегда чувствовала его с полутона и понимала с полуслова, поэтому назвать это блажью ей было трудно. Пару раз она предприняла попытку уговорить его поехать вместе, семьёй, как делали уже не раз. Попытки были безуспешными, на увещевания он не поддавался.

Дети перспективу папиной одиночной, если не сказать единоличной, поездки восприняли со свойственным детям воодушевлением. Он, естественно, наобещал им много-много подарков, морских сувениров, фотографий и пакет ракушек всех возможных оттенков. Всё, как просили... Младшая уговорила взять в поездку плюшевую обезьянку, чтобы ему было не очень одиноко в пути, а она, в свою очередь, посмотрела бы мир. Обезьянка комфортно разместилась на раме велосипеда, закреплённая скотчем в несколько слоев и смотрящая в даль, задумчиво, но с надеждой на интересное путешествие.

Друзья удивлялись его неожиданной идее, поддерживали или подшучивали над ним, обозвали «Афанасием Никитиным на велосипеде». Хорошо, что не Иваном Сусаниным... Чтобы реабилитироваться, он планировал размещать фото во всех доступных ему соцсетях, но решив, что переоценил возможности интернета в полях центра и юга России, вынужден был ограничиться ведением видеодневника поездки для жены.

Многолюдная Москва с её смогом, бесконечными пробками, шумом и гамом осталась позади. Его ждали почти тридцать дней пути по полям, автотрассам, городам и деревням, мостам и проселочным дорогам.

Путешествие не было прихотью, необходимостью самоутвердиться, стремлением отказаться от привычной, комфортной, благополучной жизни, жадной экстрима или желанием доказать что-то.

Просто мечты должны исполняться, даже детские.

Особенно детские.

А, кроме того, как было в том хорошем французском фильме?.. «На небе только и разговоров, что о море и о закате...»

Месяц назад он узнал о диагнозе. Головной мозг. Рак. 4 стадия. Когда делать операцию уже поздно, а чувствуешь себя вполне здоровым. И сильным. Достаточно сильным, чтобы исполнить свою мечту.

Татьяна Козлова

Вояж «Дамы с собачкой»

Поворот ключа и замок тихо щёлкнув закрылся «как надо».

Глухо звякнули о дно почтового ящика ключи.

Вот и всё. Дороги назад нет.

Оксана поправила ремень дорожной сумки, прижала к груди Снежка и медленно ступая, вышла из подъезда.

Ещё вчера... Нет, ещё сегодня утром, жизнь казалась такой же прекрасной как летний день. Но и летом, как известно, можно попасть в грозу.

Вот такая «гроза с молниями» пару часов назад и отгремела в квартире, которую Оксана привыкла называть домом...

Сердце кольнуло сожалением.

Эх, не нужно ей было «заплывать за буйки», настаивая на своем. Ну вот почему она просто не закрыла рот в нужное время, а? Ведь знала же, знала, что спорить и убеждать занятие бесполезное...

Но что сказано, то сказано.

Что сделано, то сделано.

А значит, ей пора в дорогу...

Посчитаем «наличку» – мало, очень мало. Практически ничего...

Да, она знала, где лежат «общие деньги», но уходя навсегда, взяла только те, которые смогла сама накопить. Из принципа.

Пусть этих денег, совсем мало, пусть.

Но до Нижнего ей должно хватить, а там...

На железнодорожном вокзале было шумно и душно. Лето, вторая половина дня, пятница – было бы странно, если бы было по-другому...

Первые несколько остановок Оксана со Снежком не отлипали от окна.

А посмотреть было на что. Сначала за окном проплывали районы города, в которых ни она, ни тем более Снежок, никогда не были. Затем замелькали всякие ёлки, берёзки и прочая «окружающая среда», а потом медленно и величественно садилось солнце...

Люди входили и выходили, а электричка всё ползла и ползла, как ленивая гусеница. Со всеми остановками...

Иногда её спрашивали, куда это едет «дама с собачкой»? Она честно отвечала, что едет к бабушке, и люди отставали.

Ведь лето, оно для того и существует, чтобы ездить к бабушкам.

Уже где-то часа через два пути, Оксана поняла, что, наверное, она погорячилась. Что не надо было уходить вот так – внезапно, в никуда и без всего.

А когда электричка всё-таки добралась до Нижнего, Оксане больше всего хотелось вернуться домой.

И пусть её отругают, пусть. Главное снова оказаться дома...

Но денег на обратную дорогу не было, а значит оставалось только идти вперёд.

Солнце давно село, над чужим городом сгустились сумерки, она устала и проголодалась.

И если бы не Снежок, которого Оксана прижимала к груди всё крепче, она бы, наверное, просто села на асфальт прямо посреди улицы и расплакалась.

Не плачь, Снежок, всё будет хорошо – приговаривала Оксана, из последних сил сдерживая слезы... Но они почему-то все равно капали и капали...

Потом на улицах зажглись фонари, город перестал быть незнакомым и страшным, и все постепенно стало становиться хорошо.

Каким-то чудом вспомнился номер маршрутки, которая останавливалась совсем рядом с домом бабушки.

Ещё большим чудом нашелся дом, затем подъезд и квартира.

А потом... Потом Оксана нажала на кнопку звонка, надеясь, что чудеса не прекратятся и бабушка окажется дома. Хотя, где ей ещё быть, ночью то? Она же бабушка!

Ты? Что случилось? И... где родители? – спросила бабушка, открыв дверь.

А потом, поняв, что внучка-второклассница приехала из другого города совершенно одна, очень тихо уточнила – " ты хоть записку им оставила, что ко мне едешь?"

Оксана только молча мотнула головой. Сил оправдываться или объяснять причины своего поступка уже не было...

Родителям тут же позвонили.

Засыпающую на ходу девчушку накормили и уложили спать.

А Снежок – белоснежный игрушечный щенок, сторожил сон своей хозяйки, сидя на подушке...

Утром приехали родители и всё стало совсем хорошо. Ну, или как-то так.

Став взрослой, Оксана много и часто путешествовала, но именно «вояж дамы с собачкой» навсегда остался самой длинной поездкой в ее жизни.

Елена Гольдберг

Он никогда не был на войне

Именно в этом убеждали его дребезжащие, прерывающиеся голоса его детей и внуков – современным смартфонам он упрямо предпочитал советский телефон с аккуратной прямоугольной трубкой, выдававший изо дня в день бойкую трель, знаменующую очередной звонок от близких.

Именно это доказывал город за окном, где нет зимы, а тёплое море приветливо распаивается навстречу небу, чтобы слиться с ним на линии горизонта. Даже рыжий кот, устроившийся на коленях, казался чем-то фундаментальным, будто само его присутствие являлось весомым аргументом.

Войны не было. Не здесь.

Он почти верил в это, но шрамы на груди не давали покоя, день за днём вгоняя разум в смятение. Почему-то мужчина не помнил, как их получил. Дочь отшучивалась, что все мужчины – чудом выжившие дети; даже её годовалый сынишка уже успел ступить на путь мужского безрассудства и заработал шишку.

Он кивал голосу в трубке, но понимал, что не успокоится, пока не получит ответ.

Понимал он и то, что цена этого ответа может быть велика.

Радио изредка сбоило, и выдавало треск, в котором ему ясно слышались свист пуль и грохот взрывов. Он находил в доме клочки бумаги, на которых его рукой были выведены слова. Мужчина не помнил, как их писал, но звучали они каждый раз словно предупреждение.

«Не открывай коробку под кроватью».

«Не смотри».

«Не ищи правды».

«Забудь».

И десятки подобных.

Поначалу он пугался, но быстро привык выкидывать послания, не читая – он слишком стар, чтобы волноваться по такому поводу. Всё перевернула последняя найденная записка. Прежде, чем отправить её в мусор, мужчина бросил на содержимое косою взгляд и впервые увидел вместо предупреждений имя. Женское имя. Как он ни старался, произнести его вслух не получалось: звуки комом застревали в горле, а внезапно пересохшие губы отказывались шевелиться. Именно в этот момент радио, исправно выводившее романс, вновь засбоило, и он воспринял это как знак.

Он решил.

Он был уверен, что под кроватью нет никакой коробки, от того и заглядывать под неё было даже как-то неловко. Мужчина опустился на колени, припав головой почти к самому полу, – спина тут же безжалостно хрустнула, – и закашлялся: пыли скопилось до неприличия много. Он попытался вспомнить, кто и когда в последний раз здесь убирался. И не смог.

Но в дальнем углу он увидел её и на секунду забыл, как дышать.

Картонная, обшарпанная коробка. Она, возможно, знала о нём гораздо больше, чем он мог представить. В ушах засвистело, а в сердце зашевелился животный страх.

«Не смотри», – предупреждала бумага его почерком.

Его окружают любимые, он живёт у моря в родном краю, даже рыжий кот, о котором в тайне с детства мечтал, мурчит и трётся об ноги. Может, не стоит ворошить былое?

Он поставил коробку на пол и уже собирался толкнуть её назад, подальше к стене, но застыл. Сколько раз он уже держал в руках эту коробку в нерешительности? И сколько раз ещё достанет её? Нет уж! Пусть он и не помнил многого, но точно знал, что трусом никогда

не был. Не давая себе времени на раздумья, мужчина поставил коробку на стол и решительно сдернул крышку.

Ветхий альбом с фотографиями. Три медали. Удостоверение.

Радио за спиной зашипело и разразилось маршем.

Он действительно воевал! Как он только мог забыть?

В памяти одно за другим всплывали лица и имена товарищей, живых и погибших на его глазах. Глухо вздымалась земля, почти осязаемо вибрировал воздух, а он всё шёл вперед, будто заговорённый. Скорее, скорее... Он помнил, как поднял со своими товарищами флаг – кусочек родного неба в чужой, кровавадной стране. Лишь бы она увидела, что он сильный. Лишь бы не поняла цену. Кто она? Он не помнил.

Да и важно ли?

Исполненный гордости, он с нетерпением стал ждать звонка, чтобы рассказать детям и внукам множество сокровенных историй. Но впервые телефон молчал.

Молчал он и на следующий день, и через день, и через неделю.

Он волновался и пытался звонить сам, но ни один из известных ему номеров не отвечал. Даже пушистый друг умудрялся не попадаться на глаза, хотя блюдце с едой пустело регулярно. Небо же, обычно солнечное, хмурилось третий день подряд, и мужчина впервые за много лет почувствовал, что ему холодно. Холодно и одиноко. На улицу выходить категорически не хотелось, а радио всё чаще и чаще уходило в мир помех, лишая его последнего развлечения.

И тут мужчина вспомнил об альбоме. Тот остался на столе, нетронутый. К нему не хотелось прикасаться совершенно: в голове тут же всплывало то самое «не смотри», и моментально пропадал весь настрой. Но сейчас скука и любопытство взяли верх. Он сел за стол, нерешительно погладил потрескавшуюся обложку и медленно перевернул её.

Застывший мир тут же пришёл в движение, ждавший этой неотвратимой минуты долгие-долгие годы.

Имя.

Когда-то давно, ещё будучи подростком, он поспорил с девочкой на морском берегу, что заплывёт за границу, очерченную полосой буйков. Была поздняя осень, но он плыл. Плыл, чувствуя на коже неприветливо-холодное касание воды, но ночной воздух был гораздо холоднее. Казалось, что даже мозг его сводит судорогой; ещё чуть-чуть – и он пойдёт ко дну, но упрямство и что-то ещё, обжигающе-горячее в груди, тянули его в глубину, дальше, ещё дальше...

Она проиграла пари, и он получил свой поцелуй.

Рыжие волосы, веснушки на плечах.

Нескладная, долговязая и бесконечно тёплая.

Имя, написанное в последней записке, принадлежало ей.

«Видишь пятна? Одинаковые».

Он закивал и, не отпуская фотографию, посмотрел на тыльную сторону ладони.

«Мы так связаны. Ты и я. Навсегда».

Родимое пятно.

Его руки задрожали; кожа покрылась мурашками, словно вновь соприкоснулась с остывающей солью осеннего моря.

Он помнил тепло руки с таким же пятном. Он держал эту руку крепко-крепко, и отпустил лишь раз.

Этого оказалось достаточно.

Она бежит по полю и смеётся, машет ему ладонью с родимым пятном.

Мина.

Война, которая, как он думал, закончилась, на самом деле только начиналась.

Взметнулись рыжие волосы; рассыпались веснушки с её плечей осколками на его груди.

И не было её больше.

Не было детей. Не было внуков.

Не было города с вечным летом и дразняще-близким морем, а за окном уже второй месяц тянулась зима, окутавшая землю чужой страны.

Не было кота. Сердобольная соседка заходила в гости, ставила чайник и каждый раз мыла блюдце, но не решалась убрать его совсем, боясь потревожить покой несчастного, выжившего из ума старика.

Были только альбом, три медали, россыпь шрамов на груди да кусочек родного неба в пустых глазах давно умершего солдата.

Пропел дверной звонок, и квартира вмиг наполнилась смехом: приехали дети с внуками, смешными, рыжими, нескладными, но бесконечно тёплыми.

Радио говорит на языке его молодости, голосами тех, кого давно уже нет. На кухне вовсю кипит чайник, и нож бойко стучит о разделочную доску – то хлопочет хозяйка, желая порадовать неожиданных гостей. Её волосы, некогда рыжие, наспех подобраны в пучок, а загорелые плечи усыпаны веснушками. У её ног вальяжно гуляет рыжий кот.

В открытое нараспашку окно тёплый летний ветер приносит терпкий запах города, в котором не бывает зимы – запах моря. Он сидит на подоконнике и складывает исписанные листы в самолетики. Она смеётся, называет его мальчишкой, а он и рад. Очерченное буйками море знакомо до дыр, и не надо ему более никаких глубин.

Он набирает полную грудь воздуха и зовёт её по имени, которое звучит как гимн, абсолютное и неопровержимое доказательство.

Он никогда не был на войне.

Ксения Кондрашова

Два августа

Сигарета вырвалась из моей нервной хватки.

– Черт! – шёпот в ночи показался змеиным шипением.

Спина дугой – не выпрямиться. Так и сижу, подтянув колени к впавшей груди.

Душно. Душно. Душно.

«Это лето самое жаркое из всех» – подумалось мне.

Наклоняюсь с балкона и вдыхаю полной грудью – воздух плотный, липкий, тягучий – как раз для середины августа и купания в ледяной горной реке.

Духота. Август. Речка.

Как же я могла забыть?

– Это лето самое жаркое из всех! – залиvisto кричу я ребятам, делаю вид, что всегда такая жизнерадостная. Тихо надеюсь, что мой ровный, разливающийся бронзой загар видно издалека – мальчики плетутся далеко позади.

Разворачиваюсь и бегу обратно к ребятам.

– Я с вами, – коротко поясняю я. Конечно, избегаю идти рядом с ним – вдруг заговорит, а я смогу только проблеять что-нибудь нечленораздельное в ответ. Возле меня, подпрыгивая, почти бежит Веня. Дальше вышагивают близнецы. А у самой обочины, подпывая камнями, идёт Саня. С Саней мы все познакомились только этим летом – бабушка его переехала в нашу деревню пару месяцев назад. Но для нашей компании лето в деревне – обычное дело. Я помню, как близнецы ещё писались в кровать и наутро обвиняли друг друга в случившемся. Теперь же нам по семнадцать – последнее лето вместе.

Может поэтому мы реже друг друга подстёбываем и больше хотим быть рядом? Я бы вообще от ребят не отходила ни на шаг, но появился Саня. Его кучерявый чуб, сережка в левом ухе. Его музыкальный вкус и рюкзак, всегда полный еды. Его нос с горбинкой и темные-тёмные глаза. Его привычка пристально смотреть на собеседника, не отвлекаясь, не отводя взгляда – прямо в душу.

Поэтому это лето я больше провожу с местными девочками, хотя тянет меня к кудрявой темной шевелюре и большим тёплым ладоням. Хотя я не знаю наверняка, тёплые они или нет, но позволяю себе помечтать.

Той же ночью мы остаёмся одни на берегу реки далеко от дома – компания давно улеглась в спальные мешки, а я всё боялась уснуть, он-то не спит.

– Давай купаться?

Если скажу «нет», подумает, что трусиха, если соглашусь, рискую замёрзнуть до смерти.

Молча подрываюсь с места, туника светлым пятном приземляется в темноту камней. Он хохочет, попутно стягивая футболку подобно всем мужчинам – хватается на спине у шеи и тянет через голову. Я замираю – нет ничего интимнее, чем наблюдать, как раздевается человек. Этот жест оголения вгоняет меня в краску, поэтому от смущения так же резко бросаюсь в воду.

Обжигает!

Я тут же начинаю стучать зубами. Саня с воплем прыгает вслед за мной.

Мы молча разрезаем воду быстрыми движениями, а иначе унесёт вниз по реке, и наши бабушки выловят хладные трупы в соседнем селе.

– Как ты быстро замёрзла! Хочешь, вылезем?

– Всё в порядке. Освежает. – Я пытаюсь улыбнуться, но губы не слушаются.

– Мама всегда говорила мне: молчи – сойдёшь за умного. У тебя это получается отлично. В смысле не притворяться умной, а молчать, – неожиданно смущается он.

– Не могу принять комплимент. Лучше болтать без умолку, чем тонуть в затянувшейся тишине, – я сильно волнуюсь и не могу одновременно работать руками и языком, поэтому течение резко уносит меня дальше от него. Начинаю паниковать – я никогда не плавала в этом месте, течение сильнее, чем возле деревни. Задеваю ногой большой камень, пытаюсь удержаться на нём – почти получается. Саня хватает меня за руку, подплывает ближе и встаёт рядом со мной. Кажется, я даже могу разглядеть крапинки в его глазах. Но это обман – по факту не видно ничего, кроме силуэтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.